

AB

Книги Анны Берсеневой – истории сильных чувств:

СЕРИАЛ «ГРИНЕВЫ. КАПИТАНСКИЕ ДЕТИ»

Последняя Ева
Возраст третьей любви
Неравный брак
Ловец мелкого жемчуга
Первый, случайный,
единственный

●

СЕРИАЛ «СЛАБОСТИ СИЛЬНОЙ ЖЕНЩИНЫ»

Слабости сильной женщины
Ревнивая печаль

●

СЕРИАЛ «ЕРМОЛОВЫ»

Яблоки из чужого рая
Антистерва
Мурка, Маруся Климова

●

«ПОДРУГИ С МАЛОЙ БРОННОЙ»

Уроки зависти
Опыт нелюбви
Этюды Черни

●

Звезда по имени Эстер
Красавица некстати
Азарт среднего возраста

«ТРИ ДОЧЕРИ»

Ответный темперамент
Игры сердца
Французская жена

●

Странная Лиза
Портрет второй жены

●

Стильная жизнь
Полет над разлукой

Гадание при свечах

Флиртаника всерьез

Все страсти мегаполиса

Женщина из шелкового мира

Рената Флори

Глашенька

Вангелия

Женщины да Винчи

Анна
Аверсенева

игры сердца

роман

Москва
2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б 51

Художественное оформление серии *П. Петрова*

В оформлении книги использована репродукция картины
Ю. Н. Панцырева «Букет с красными георгинами»

Берсенева, Анна.

Б 51 Игры сердца: [роман] / Анна Берсенева. — Москва : Эксмо, 2015. — 352 с. — (Русский характер. Романы Анны Берсеновой).

ISBN 978-5-699-77145-5

Молодость, любовные игры юного сердца – как это увлекательно! Нелли Луговская постаралась продлить их на всю жизнь. И это ей удалось: годы идут, а она по-прежнему выглядит как цветок – хотя и поблекший, но прекрасный. Только вот даже самые близкие люди не знают, какой глубокой душевной горечью обернулись для нее беспечные игры юности, которая пришлось на незабываемые 60-е годы с их романтикой и иллюзиями... Роковые ошибки маминой молодости приходится исправлять ее взрослому сыну Ивану. Хватит ли у него для этого мужества и воли? И как он поведет себя, когда после долгих и увлекательных странствий по всему свету судьба вдруг забросит его из Москвы в маленький провинциальный городок?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Сотникова Т., 2010
© Панцырев Ю.Н., иллюстрация, 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015»

ISBN 978-5-699-77145-5

ЧАСТЬ I

Глава 1

Всю ночь он слышал этот шепот. Льдинки падали ему на плечи сверху, с мачты и лееров, шелестели о штормовку, и от этого казалось, будто он стоит в самом центре какого-то огромного разговора — шепота небесных губ.

Иван улыбнулся во сне. Про небесные губы — это в самом деле было очень смешно; наяву он никогда не думал таким образом, а во сне вот прорвалась книжная романтика.

Он вернулся в Москву неделю назад, и до сих пор не отпускал его Север. Иван считал, что все ощущения, связанные с поездками, уже ему знакомы, но теперь вдруг выяснилось, что он ошибался: отделить себя от Севера, оставить его за спиною оказалось труднее, чем расстаться с ощущениями от любых прежних экспедиций. Даже десятилетней давности работа на «Титанике» с Кэмероном сделалась прошлым как-то быстрее и легче.

Впрочем, тогда он просто был моложе, и, наверное, дело было только в этом.

Иван подумал об этом спокойно: опасливое отношение к собственному возрасту, страх перед ним были ему неведомы. Тоже вследствие возраста, возможно: не так уж это много, его тридцать пять лет, чтобы такого возраста опасаться.

Все эти мысли мелькнули у него в голове одновременно и мгновенно. Потом он открыл глаза.

Прямо на него смотрели глаза африканского бога. Взгляд был бесстрастный, как и все выражение черного деревянного лица. Женщины, когда встречали по утрам этот взгляд, ахали, иногда даже визжали, и по целуй в этом случае являлся лишь свидетельством естественной мужской заботы — «ну не бойся, что ты, это же просто африканская маска!», — не становясь намеком на нечто большее.

Иван и не предполагал, когда выменивал эту маску на кроличью ушанку под истовые заверения продавца: «Эбен, эбен натур, но гуталин!» — что сенегальский божок окажется так функционален. С его помощью снималась неловкость утреннего общения с женщиной, если ночь с ней прошла под знаком «типичное не то», и появлялся прекрасный предмет для необременительного разговора, который все-таки приходилось же с ней вести, не прямо же из постели ее на улицу выпроваживать.

К тому, что женщины «типичное не то» появляются в его жизни нередко, Иван относился спокойно. Если ты здоров и вернулся домой после долгой экспедиции, то женщина тебе нужна, и нужна сразу — это понятно. Вероятность того, что сразу подвернувшаяся женщина окажется стопроцентным попаданием, не слишком велика. Значит, надо быть готовым к случайным женщинам и уметь с ними расставаться. Он умел.

Была, конечно, более простая возможность решения этого вопроса: можно было каждый раз возвращаться не к случайной женщине, а к жене. Но жениться Иван не хотел, и причина для этого была вполне разумной: играть роль идеального мужа из анекдота, то есть слепоглухонемого капитана дальнего плавания, он не хотел. Заставлять жену играть роль Пенелопы, которая знай себе бесстрастно что-то ткет-расплетает да отказывает многочисленным женихам, не хотел тем более; он признавал за женщинами право на страсти.

За все в жизни надо платить — банально, но факт. Отсутствие семейных радостей — это издержка некоторых профессий, и его профессия в их числе. Но он выбрал эту профессию осознанно и платить за это отсутствием жены был готов. Да и не такая уж великая плата, кстати.

«О чем это я раздумался? — удивился Иван. — О бабах — с чего бы вдруг?»

Хотя вообще-то размышлениям на эту тему удивляться не приходилось: с Севера он вернулся неделю назад, а женщины рядом до сих пор не было. Все его подружки по разным причинам остались, как тетушка говорила, за флагом: одна замуж вышла, другая наоборот — с мужем разошлась и то ли с горя, то ли с радости уехала путешествовать по Европе, третья была беременна — «не от тебя, Ванечка, можешь не беспокоиться», — четвертая как раз переживала бурный роман с перспективой замужества... Много у него было женщин!

В общем, основа для размышлений была, но предаваться им Иван не стал. Утром он должен был съездить на работу — отпуск отпуском, но были срочные дела по только что завершившейся экспедиции, — а вечером собирался наконец зайти к маме. Со времени его возвращения они виделись всего один раз, да и то коротко, поэтому даже мама со всем ее свободным отношением к семейным устоям уже на него обижалась, и правильно. Так что он клятвенно пообещал наконец приехать.

Глава 2

Перед маминым подъездом стоял сосед Артемьев и хлопал себя одной рукой по карманам. Во второй руке он держал пакет, в котором просвечивала бутылка водки.

— Привет! — обрадовался он, увидев Ивана. — У тебя ключи есть? Вышел в магазин, ключи забыл, а в собственный подъезд меня, представь себе, не пускают.

— Кто это вас не пускает? — удивился Иван.

Он пытался вспомнить отчество соседа, но это ему не удавалось. Артемьев был писателем из тех, кого в противовес коммерческим называют настоящими; он считался даже живым классиком. Это означало, что в последние пятнадцать лет его книги не читали в метро, но изучали в гуманитарных гимназиях, переводили в Европе и, несмотря на маленькие тиражи, ежегодно переиздавали культуры ради.

Мама относилась к Артемьеву скептически: считала, что востребованность, то есть тиражи, — критерий для оценки писателя, возможно, не единственный, но единственно честный, и если его книги не отвечают этому критерию, то их без сожаления можно сбрасывать с парохода современности, а подберет ли их следующий пароход, видно будет.

Иван помнил, как сильно поразила его книга, которую сосед когда-то ему подарил. Герой был ровесником его тогдашнего, шестнадцатилетнего, и это была повесть о первой любви, а потому наличие или отсутствие больших тиражей казалось Ивану теперь проблемами читателей, а не писателя Артемьева. Неизвестно, что там решат насчет его книг на пароходе современности, а сбрасывать их со своего личного парохода Иван не спешил.

— Чего это вас в подъезд не пускают, Андрей Павлович?

Он наконец вспомнил отчество.

— А спроси! Только что слесари какие-то входили, я было за ними, так чуть по морде не надавали работяги: куда прешь, говорят, бомжара? И вот как это объяснить? Пальто вроде приличное.

Они поднялись по короткой широкой лестнице, ведущей от входной двери в просторный холл перед лифтами. Подъезд и весь был просторный, гулкий, холдный — типичный подъезд добротного сталинского дома.

— При чем тут пальто, Андрей Палыч? — хмыкнул консьерж, усатый отставник; его стол ютился в закутке холла, справа от лифтов. — Больно вы просты, вот в чем главное дело-то. А что пальто бомжастое, так это уж дело второе.

— Вот так вот, — усмехнулся Артемьев, входя в лифт. — А пальто я, между прочим, в Париже купил на первый свой европейский гонорар. Бешеные деньги тогда были, здесь год можно было жить.

На взгляд Ивана, вид у черного длиннополого пальто, да и у самого Артемьева был аристократический. Но в глазах работяг небритый спивающийся аристократ в поношенном пальто, отмеченном неброской парижской дороговизной, выглядел, конечно, как бомж.

— Зайдешь? — предложил Артемьев, когда лифт остановился на его этаже.

Он вышел на площадку и приглашающе приподнял пакет с бутылкой. Иван придержал ногой дверь лифта.

— В другой раз, Андрей Павлович, — отказался он. — Я еще к маме не заходил после экспедиции.

— На Северном полюсе был?

— А вы откуда знаете? — удивился Иван.

Насколько ему было известно, Артемьев не смотрел телевизор и не читал газет, считая, что о скольконибудь значимых событиях узнает и без этого, а засорять голову пустыми сведениями ни к чему.

— Видел.

— В смысле?

— В смысле, на улицах флагами махали, когда вы

погружение закончили. Как будто «Спартак» чемпион. Даже удивительно — я думал, народ у нас на такие дела, как покорение Севера, уже не реагирует. Ну, привет маме передавай.

Артемьев скрылся в темном холле перед своей квартирой, словно в яме забвения и одиночества. Иван поехал на последний этаж.

От лифта к маминой квартире надо было подняться еще на один лестничный пролет. Собственно, это была не квартира, а мастерская, но мама и работала здесь, и жила, сделав лишь небольшой перерыв на рождение сына и кормление его грудью; то время она провела у сестры Тани в Ермолаевском переулке.

Ивану мастерская на Краснопрудной не нравилась, и он остался жить там, где жил с самого своего рождения. Мама не возражала — понимала, что жизнь ребенка должна подчиняться разумному распорядку, как у Тани, а не скакать в непредсказуемом ритме, как у нее. К тому же у Тани была дочка Оля, на пять лет старше Ивана, и с ней ему было интереснее, чем с мамиными безумными художниками.

Так он и жил с тетей и двоюродной сестрой в Ермолаевском, пока не начал работать в Институте океанологии и не получил квартиру в новостройке на Юго-Западе.

Когда Иван был школьником, Таня требовала, чтобы в каждые каникулы он проводил несколько дней у мамы. Она считала это правильным, а добиваться того, что она считала правильным, Таня умела. И каждый раз, входя в мамину мастерскую, Иван испытывал дискомфорт. Не то чтобы он был любителем комфорта — в экспедициях, в которые он стал ездить, еще когда учился в университете, никакого комфорта не было, и он нисколько от этого не страдал. Но дискомфорт, который он чувствовал в мастерской, был особый — не внешний, а внутренний.

И сейчас это ощущение не изменилось. Оно охватило его сразу, как только он перешагнул порог.

Дверь в конце длинного темного коридора была приоткрыта. Оттуда, из комнаты, бил яркий свет и доносились голоса. Голоса были громкие, их возвышенный тон свидетельствовал о возвышенном же предмете спора. Иван поморщился.

Мама выглянула из кухни, которая находилась в самом начале коридора, рядом с прихожей.

— Ванька! — обрадовалась она. — Наконец-то!

— Привет, ма.

Чтобы ее поцеловать, Ивану пришлось наклониться: она была маленькая. Когда он пошел в первый класс, мама заявила было, что сын будет называть ее Нелей, потому что это звучит с правильной мимолетностью, но Таня немедленно пресекла это намерение.

— Называть он тебя будет мамой, — обычным своим ровным тоном сказала она. — Тебе тридцать два года, старости бояться рано, да и Ванька еще не настолько взрослый сын, чтобы это подчеркивало твой возраст. А богемные игры оставь, пожалуйста, своим богемьянам.

— Я тебя, Тань, ни капельки не боюсь! — засмеялась мама. — Но очень люблю.

И разговоров про мимолетность Иван от нее больше не слышал.

Но вообще-то подобные разговоры кипели в ее мастерской постоянно, вот и сейчас тоже.

— Надолго они у тебя? — он кивнул в сторону комнаты.

— А тебе не все ли равно? — улыбнулась мама. — Это же фон, Ванька. Фон моей жизни. А ты — не фон. — Она положила руку ему на макушку, взъерошила вихры. — Ну что ты так долго до меня добратся не мог? Думаешь, я по тебе не соскучилась?

— Не думаю, — улыбнулся он. — Просто работы

было много. После экспедиции целый воз отчетов требуют. Вот и все, никаких возвышенных причин. Я ж у тебя обыкновенный, ма, ты же знаешь.

— Обыкновенные дома сидят, а не под лед лазают.

— Я под лед не лазал.

— А что же ты там делал, на твоём Северном полюсе?

— Обеспечивал погружение подводных аппаратов.

— Ты, наверное, голодный.

— Да нет, нас на корабле отлично кормили.

Иван улыбнулся: мама всегда мыслила разрывами, опущенными звеньями. У кого это он читал про такое мышление? У поэта какого-то, кажется.

— На корабле — может быть, — согласилась она. — Но дома-то тебя покормить некому.

Это была правда, но из-за этой правды Иван не переживал. Еду он любил простую, вроде жареной картошки, и готовить такую еду умел самостоятельно. Если хотелось чего-нибудь особенного, то шел в ресторан. Если хотелось чего-нибудь особенного, но домашнего, то забегал пообедать к Тане. Правда, Таня сейчас была в Париже — гостила у их третьей, самой младшей, сестры Марии. Но сказать, что из-за этого он голодает, Иван никак не мог.

Он вообще ничего не мог об этом сказать, потому что об этом не думал.

— Я испекла пирог, — сообщила мама. — И не говори, что в лесу кто-то сдох!

— Когда это я такое говорил? — удивился Иван. — Я твои пироги всегда с удовольствием ем.

Мамины пироги, в отличие от большинства других ее блюд, действительно были вполне съедобны, потому что для их приготовления бралось готовое тесто и готовая начинка. Да и вообще, с исчезновением советской власти и сопутствующего ей дефицита всего и вся вечная проблема маминой абсолютной кулинар-

ной бездарности исчезла сама собой, как и многие другие специфические советские проблемы.

— Подожди, он еще пять минут под салфеткой стоит, и можно будет есть, — сказала мама. — А ты пока со мной посиди, расскажи, кого ты там на Северном полюсе видел. Белых медведей?

— На полюсе — никого. — Иван шагнул из коридора в маленькую кухню, потом сделал еще шаг и сел на табуретку в углу. — Ни медведи туда не добираются, ни птицы. Ледяная пустыня.

В кухне было жарко, пахло горячей сдобой.

«Что это с мамой? — удивленно подумал он. — Пирог под салфеткой... Постарела, что ли?»

— Я постарела? — спросила она.

Все-таки это было странно: с самого детства Иван почти не жил с мамой, а теперь они и даже виделись редко, но она всегда читала его мысли как открытую книгу. Он не знал, как это объяснить.

— Нет, ма, — ответил он. — Ты никогда не постареешь. Даже если научишься печь киевский торт.

Киевский торт был символом высшего кулинарного пилотажа. Когда Иван был маленьким, он очень любил этот торт, а мама его печь не умела и объясняла сыну, что выпекать воздушные коржи и оставаться при этом молодой способна только Таня. Теперь Тане было уже восемьдесят, и киевский торт она пекла по-прежнему, и в самом деле не выглядела старой.

— Ну-ну, так рассказывай же про полюс, — напомнила мама.

Она сидела рядом с пирогом и смотрела на Ивана тем взглядом, который он особенно у нее любил. Взгляд был полон живого интереса к каждому слову, которое ей предстояло услышать. Когда мама так вот смотрела, он понимал, почему мужчины всегда влюблялись в Неличку Луговскую мгновенно и безоглядно.

Ну и, конечно, просто красивая она была. Даже

сейчас, когда ей уже шестьдесят исполнилось. Глаза у нее были синие, и эта необыкновенная синева усиливалась их живым блеском, который не исчезал с возрастом.

— На полюсе никого нет, — повторил Иван. — Только льды бесконечные. Даже если видишь небольшие полыньи, то это просто лужи неглубокие. Немного пресной воды, а под ней двухметровый лед. И смотреть на эти льды можно тоже бесконечно. В этом смысле они похожи на огонь.

Он вдруг подумал, что рассказывает так, как будто пишет школьное сочинение на тему «Как я провел лето». Стоило ему встретиться с мамой, как он сразу чувствовал себя маленьким. Учитывая специфику их семейных отношений, это тоже было необъяснимо.

— Вот где медитировать хорошо, я думаю, — заметила мама. — Представляю, что происходит с сознанием, если часами на белое безмолвие смотреть!

— Очки только надо надевать, — улыбнулся Иван. — Часами на лед смотреть нельзя — ослепнешь. Без очков — не больше трех минут.

— Скучно тебе со мной?

Она улыбнулась ему в ответ. Улыбка почему-то вышла беспомощная. У него сжалось сердце.

— Ну что ты, ма? — сказал он. — Почему мне с тобой должно быть скучно?

— Потому что ты живешь по сути, а я так, ни о чем, — вздохнула она. — С возрастом это стало для меня очевидным. Хорошо, что я тебя родила.

— Да, неплохо.

Он кивнул с серьезным видом.

— Не смейся, Вань! Думаешь, я возраста своего боюсь? Нисколько. Знаешь, что Эльза Триоле в старости написала? «Да и бог с ней, с молодостью, тоже хорошего мало», — вот что. Это Таня в каких-то мемуарах вычитала и мне рассказала. Не знаю, мало было в мо-

ей молодости хорошего или много, но что с возрастом многое мне стало яснее, это точно. — Печаль, на мгновение коснувшаяся ее губ, так же мгновенно исчезла. — По-моему, уже можно есть, — сказала мама, приподнимая салфетку над пирогом. — Давай я тебе отрежу, а то гости в минуту слопают, ничего тебе не достанется.

— Не волнуйся, я умею за себя постоять.

Отрезанный мамой кусок пирога он, впрочем, съел мгновенно: был уже вечер, а пообедать он забыл. Что за начинка внутри, не разобрал — что-то среднее между мясом и вареньем.

«Превращение мамы в завязтую кулинарку — это все-таки утопия», — подумал он.

— Ну, пойдем к моим, — сказала мама. — Что в кухне сидеть?

Иван с удовольствием посидел бы в кухне: он хорошо представлял, какое общение предстоит ему в мастерской, и оно его нисколько не прельщало. Но раз уж зашел, приходилось полностью погружаться в мамину жизнь; благо в следующий раз не скоро он сюда выберется.

— Я сегодня уезжаю, говорила тебе? — сказала мама, когда они шли по коридору из кухни в комнату.

— Не говорила. Куда?

— В Питер. Там у Левки Зайцева выставка открывается.

— В Эрмитаже?

— Бессовестный! Если Левка не знаменит, это не значит, что он бездарен.

— Как ты могла подумать! Левка, безусловно, гений.

Кто такой Левка Зайцев, Иван хоть убей не помнил. Представлялось что-то потертое и бородатое, но, возможно, это был не Левка Зайцев, а Славка Медведев.